

ГЕОГРАФИЯ — НЕ СУДЬБА!

(КОММЕНТАРИИ К «СИБИРСКОМУ ПРОКЛЯТИЮ» Ф. ХИЛЛ И К. ГЭДДИ)

МИХАЙЛОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА,

доктор экономических наук, доцент,
Российская экономическая школа,
e-mail: tmikhail@gmail.com

Обсуждаются выводы книги Ф. Хилл и К. Гэдди о перспективах развития восточных регионов России в свете теоретических моделей «новой» экономической географии, стилизованных фактов из истории пространственного развития разных стран и эмпирических исследований регионального развития в России и за рубежом. Теоретические модели предсказывают инертность в пространственной структуре экономики, что делает невозможным «исправление» советских ошибок в короткие сроки. Исследования последних 10 лет указывают на медленное «сжатие» экономического пространства в России и увеличивающееся межрегиональное неравенство. Международный опыт подсказывает, что эти процессы — часть долгосрочной тенденции.

Ключевые слова: экономическая география; региональное развитие; транспортная доступность; Россия; Сибирь.

The conclusions of the book by F. Hill and K. Gaddy about development prospects of eastern regions of Russia are discussed in the light of theoretical models of the «new» economic geography, the stylized facts from the history of the spatial development of various countries, and empirical studies of regional development in Russia and abroad. Theoretical models predict inertness in the spatial economy structure that makes impossible «correction» of the Soviet mistakes in the short term. The researches of last 10 years indicate the slow «compression» of the economic space in Russia and growing regional inequality. International experience suggests that these processes are the part of the long-term trends.

Keywords: economic geography; regional development; accessibility; Russia; Siberia.

Коды классификатора JEL: P25, R11, R12.

«Сибирское проклятие» американских экономистов-русологов Фионы Хилл и Клиффорда Гэдди — книга, которая изначально провоцировала дискуссию. И действительно, сразу после выхода этой книги в 2003 г. на английском языке среди российских обществоведов развернулась горячая дискуссия. Справедливы ли утверждения авторов о том, что Сибирь и Дальний Восток — не источник неисчерпаемых богатств, а бремя для российской экономики? Правда ли то, что Хилл и Гэдди выбрали из множества атрибутов российских регионов самый одиозный (низкую среднюю температуру января) и проигнорировали остальные факторы? Как без массовой миграции разрабатывались бы разнообразные природные ресурсы Сибири? Каковы рецепты региональной политики, и нужно ли «выселять» людей из Новосибирска? Это лишь некоторые вопросы из тех, которые активно обсуждались в ходе полемики вокруг «Сибирского бремени».

Я хочу изложить в своих заметках некоторые соображения о самых распространенных критических замечаниях в адрес «Сибирского бремени». По существу же речь

пойдет о том, что нового об экономической географии России мы узнали с момента выхода книги, и о процессах в пространственной эволюции российской экономики, которые мы наблюдаем в настоящее время.

О КЛИМАТЕ И ГЕОГРАФИИ

Одним из основных поводов для критики «Сибирского бремени» стало чрезмерное внимание авторов к фактору климата. Температура — лаконичный и удобный показатель, которым описываются характеристики местности. Но «сибирское проклятие» — не только в холоде.

Так уж сложилось в силу географических и исторических причин, что температура января в России коррелирует с целым рядом атрибутов. Холод коррелирует с географической долготой: зимы на тех же широтах становятся все холоднее, если двигаться с запада на восток. Точно так же с запада на восток падает транспортная доступность, увеличивается расстояние до столицы и крупных рынков (*Европы*), падает плотность населения, увеличиваются расстояния между городами, т.е. в среднем падает рыночный потенциал локаций. Самоочевидно, что при этом увеличиваются транспортные издержки. Близость сибирских городов к азиатским рынкам иллюзорна, и это понятно любому, кто видел карту Евразии в масштабе.

Правда, из правила «восточнее — значит недоступнее» есть исключения. Например, Норильск западнее Красноярска, но гораздо более оторван от «большой земли». Владивосток — самый восточный из крупных городов — это порт вблизи крупных рынков Азии. Но в среднем, холодные зимы на российской карте синонимичны с неудачным географическим положением, особенно с позиций современной экономики, когда географическая близость к природным ресурсам играет все меньшую роль, а близость к людям, рынкам, агломерациям — все большую.

Книга Хилл и Гэдди подробно говорит о климате, о неэффективности производства при низких температурах, требующих дополнительных затрат энергии. Как показывает международный опыт, с этими трудностями можно справиться, можно частично адаптироваться к холодному климату (хотя эта адаптация тоже требует средств). Но проблемы холодного климата — всего лишь часть всех недостатков ведения хозяйства в Сибири. Про влияние расстояний, изоляции, торговых издержек на региональное развитие можно написать еще одну книгу такого же размера. Аргументы Хилл и Гэдди были бы еще сильнее, если бы они так же подробно обсудили цену расстояния, издержки на создание транспортной и другой инфраструктуры на огромном слабо заселенном пространстве.

Если с точки зрения экономической эффективности восток страны непривлекателен, то стоит ожидать оттока производительных ресурсов в западные регионы после перехода к рыночной экономике. Что мы знаем о динамике инвестиций в постсоветское время?

Сошлюсь на данные исследования группы зарубежных экономистов (*Brown et al 2008*), которые проанализировали динамику входа новых предприятий и закрытия старых на региональных рынках России. Их подробные данные (с географической агрегацией до уровня района) позволили рассортировать локации по степени транспортной доступности. Результаты показывают, что фирмы создаются и имеют больше шансов выжить в течение 5–10 лет преимущественно в регионах с высоким рыночным потенциалом (доступом к рынкам). Изолированные и труднодоступные малочисленные регионы теряют бизнес. Нефтяные регионы Западной Сибири — частый пример успешного развития — имеют довольно высокий рыночный потенциал, как за счет

собственных высоких доходов, а следовательно, спроса, так и за счет близости к более густонаселенному Уралу.

Итак, действительно, малое расстояние до рынков — важный благоприятный фактор для регионального роста. Неутешительный вывод в том, что к сожалению, сократить эффективное расстояние до рынков (даже путем массовых инвестиций в транспорт) очень сложно.

Еще один пункт критики: почему авторы уделили столько внимания зимним температурам, и проигнорировали летние? Ведь лето на юге Сибири жаркое, не хуже европейского. Ответ также быстро находится на карте изотерм — июльские линии равной температуры в России проходят вдоль параллелей. Таким образом, переселяя людей с запада на восток, мы практически не меняем средневзвешенную температуру (ТНД — «температуру на душу населения») июля. Переезд из европейской части страны в Сибирь не даст и экономии на охлаждении летом.

Климат юга Сибири внешне похож на климат Великих Равнин США и Канады. Интересно, что в конце XIX — начале XX вв. развитие этих регионов шло по похожему сценарию: строительство трансконтинентальной железной дороги подхлестнуло массовую миграцию сельского населения на плодородные земли, население резко выросло. Но затем в США и Канаде по мере того, как с технологическим развитием и структурными сдвигами в экономике доля занятых в сельском хозяйстве сокращалась в течение всего XX в., Великие Равнины теряли свою долю в населении. Промышленность и сервисы концентрировались у торговых путей, океанских берегов. В СССР же, в условиях ограниченной внешней торговли и плановой экономики, преимущества портов и внешнеторговых транспортных узлов не реализовывались. Вместо них промышленность и люди пришли в сибирские города.

О РЕСУРСАХ И МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

Немало копий сломано по поводу освоения природных ресурсов за Уралом. Часто встречаются утверждения, что даже если не было бы плановой экономики в СССР, возможно, люди все равно выбирали бы переселение в восточную часть страны? Действительно, богатства недр должны притягивать экономическую активность и в рыночной экономике. Если добыча ресурсов выгодна, фирмы ее начнут. А значит, будут созданы рабочие места, приедут люди. В свою очередь, они создадут спрос на товары и услуги, запустят механизм агломерационных экстерналий, когда множество экономически мелких агентов выбирают местоположение ближе к другим таким же агентам. Возможно ли, что Сибирь вовсе не перенаселена по сравнению с гипотетической рыночной экономикой, что массовая миграция на восток случилась бы и без воздействия советской системы, движимая чисто рыночными механизмами?

В попытке ответить на этот вопрос я написала в Университете штата Пенсильвания и в 2004 г. защитила на степень Ph. D. диссертацию (Mikhailova 2004), расчеты из которой цитируют в своей книге Хилл и Гэдди. Идея была довольно проста и основана на методе аналогии. Как известно, по природно-климатическим условиям наиболее похожей на Россию является Канада. Поэтому сначала я проследила, как менялась пространственная структура экономики Канады в течение XX в. в зависимости от различных географических и инфраструктурных факторов (природных ресурсов, дорог, климата), и описала эти процессы системой уравнений. Затем, имея модель поведения канадской нации, можно было применить ее к российским начальным условиям и региональным характеристикам и посмотреть, как могла бы развиваться Россия. За начальную точку отсчета был взят 1910 г. — незадолго до Октябрьской револю-

ции. Таким образом, мы учитываем российскую историю и географию, расположение природных ресурсов и инфраструктурные проекты, которые были построены и до, и в течение советского периода, но применяем к ним «канадское» поведение людей.

Результатом этих расчетов и стала цифра в 16 млн «лишних» людей, цитируемая авторами «Сибирского проклятия». Иными словами, при «канадской модели поведения» российская нация построила бы за Уралом все те же дороги, заводы добывающей промышленности, электростанции, шахты, что и СССР, но обошлась бы на 35% меньшим количеством трудовых ресурсов. Сальдо миграции в Сибирь в XX в. в этой гипотетической экономике все равно было бы положительным, просто несколько скромнее.

О ГОРОДАХ СИБИРИ

Прямое следствие агломерационных экстерналий (т.е. привлекательности густонаселенных территорий для бизнеса и работников) — стабильность агломераций. Другими словами, динамика развития регионов и городов зависит от их предыстории. Если по каким-либо причинам крупный город возник в определенном месте (представьте, к примеру, Новосибирск), то даже если первоначальные причины, приведшие к концентрации людей в этом месте, исчезнут, то город продолжит существовать и развиваться. Масса экономических агентов, которые живут, работают и потребляют в данной локации, создает рыночный потенциал, и за счет него город остается экономически привлекательным.

Обратная сторона этого механизма в том, что, однажды закрепившись, неэффективное распределение ресурсов по территории страны становится стабильным в долгосрочной перспективе. Ученые исследуя динамику населения в Японии, выяснили, что города очень устойчивы даже к таким серьезным внешним шокам, как ядерная бомбардировка (*Davis and Weinstein 2001*). Шок трансформационной рецессии 1990-х гг. тем более недостаточен, чтобы кардинально изменить пространственную структуру экономики России.

Поэтому согласны мы или не согласны с аргументами Ф. Хилл и К. Гэдди о неэффективности создания сибирских городов, массовой волны миграции из них не будет. Новосибирцы совершенно правы, защищая свой город¹. Новосибирск действительно имеет шанс еще долгое-долгое время быть технологическим и научным центром азиатской части России. Но причины этого не в благоприятном географическом положении города, а в зависимости от предшествующего развития — в наследии советской модели регионального развития.

СЖАТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

«Сибирское проклятие», напомним, впервые издано в 2003 г., а, значит, написана книга была в самом начале 2000-х гг. на основе материалов, собранных в 1990-е. На сегодняшний день многое успело измениться. Главное, мы получили возможность пронаблюдать в реальности, какой же вектор приняли изменения пространственной структуры экономики России.

Самый смелый вывод авторов книги — «Россия должна сжаться» — собрал немало гневной критики. Но критика эта, по моему мнению, в большей степени направлена мимо цели.

Разумеется, даже если мы верим в неэффективность советского способа освоения востока России, вопрос: «Что же делать теперь с этим неэффективным наследием?»,

¹ См. в связи с этим, например, послесловие С.В. Казанцева к статье (*Мельникова 2004*).

далеко не легок. Вовсе не факт, что оптимальным поведением является «теперь вернуть все назад». Любые программы переселения людей из неблагоприятных районов требуют нового анализа затрат и выгод. Вряд ли масштабные программы переселения имеют хоть какой-то шанс. Гипотетический пример Хилл и Гэдди про переселение полумиллиона человек из Новосибирска и про проблемы сжимающихся городов был нужен, чтобы «от противного» иллюстрировать практическую невозможность и экономическую нецелесообразность такого мероприятия.

Напротив, за последние 10 лет не было практически никакого участия государства в стимуляции миграции внутри России. Вместо этого мы наблюдаем медленную, но верную работу «невидимой руки рынка». Наиболее активная часть людей меняют место жительства, следуя экономическим возможностям. И Россия медленно-медленно «сжимается», как и предсказывали авторы книги. Патриотов России, которые воспринимают «Сибирское бремя» как призыв «бросить» Сибирь, следует успокоить: конечно, *сжимается не территория*. Происходит *сжатие экономического пространства* — концентрация экономической деятельности и населения в крупных агломерациях.

Процесс географической концентрации экономической активности — вовсе не уникальное свойство современной России. Наоборот, многие страны прошли и проходят сейчас через эту стадию. Теоретические модели «новой» экономической географии, начиная с (*Krugman 1991*), говорят, что при примитивных и дорогих технологиях транспорта, экономическая деятельность будет располагаться более равномерно, чтобы каждый регион мог обеспечивать собственное потребление, не завися от международной или межрегиональной торговли. По мере развития транспорта, глобализации, снятия других торговых барьеров, концентрация производства нарастает. В то же время структурные сдвиги в экономике уменьшают долю аграрного сектора и увеличивают долю промышленности, а затем и сервисной сферы. Производители спешат использовать выгоду от масштаба — производство и люди переезжают в крупные города, периферия начинает потреблять товар, завезенный из центра. Только при дальнейшем уменьшении транспортных расходов производительность труда, доходы и уровень жизни на периферии догоняют показатели «центра».

Мы наблюдаем этот процесс на уровне стран снова и снова, и для различных индустрий: со времен промышленной революции в Европе, до послевоенного «японского чуда», до современного Китая и азиатских «тигров». Такие же процессы происходят и внутри стран: крупные (чаще, портовые) города становятся «точками роста», притягивают людей и фирмы, и только значительно позже благосостояние «центра» распространяется и на периферийные регионы. Франция (*Combes, Lafourcade, Thisse and Toutain 2008*) уже прошла через период возрастающего регионального неравенства, и сейчас там уже происходит выравнивание регионов. В то же время многие развивающиеся страны и страны среднего достатка еще находятся на стадии концентрации (*World Development Report 2009*).

Смею предположить, что «сжатие» России — такая же часть глобального процесса пространственного развития. Различие в том, что Россия после распада СССР и перехода к рыночной экономике окунулась в этот процесс с другими начальными данными. Сухие цифры говорят, что российское население сейчас — одно из самых «рассредоточенных» географически. Это верно, даже если сравнивать Россию только со территориально крупными странами типа США, Канады или Бразилии (*Campante&Do 2009*). Можно поддерживать или отрицать аргументы Хилл и Гэдди о том, что советская система иррационально переселила людей в Сибирь. Ясно одно: миграция из европейской части страны в слабонаселенные регионы востока уменьшала простран-

ственную концентрацию населения. А значит, процесс обратной концентрации будет дольше и, скорее всего, болезненней.

Исследования (Луговой, Дашкеев, Мазаев, Фомченко, Поляков и Хехт 2007) динамики регионального продукта в России в 1998–2004 не находят безусловной сходимости российских регионов. Условная сходимость с поправкой на пространственные эффекты наблюдается, но ее скорость очень мала. Схожие результаты получены (Минаева 2009) путем оценки динамической панели ВРП за 1997–2006 г. Другими словами, неравенство между регионами России в настоящее время не уменьшается. Есть слабый эффект от соседства: регионы, близкие к растущим, начинают к ним подтягиваться, но очень медленно. Простые сравнения дисперсии региональных показателей за последние годы скорее указывают на расхожимость. Страна стоит перед проблемой увеличивающегося неравенства в экономическом положении регионов, и, следовательно, в уровне жизни людей.

Как же сгладить межрегиональную дифференциацию уровня жизни? Мировой опыт подсказывает (*World Development Report 2009*), что в этих условиях меры по развитию экономики, поддержки инвестиций в периферийных регионах не дают результата в долгосрочной перспективе. Лучшая региональная политика — стремиться поддержать уровень жизни людей в бедных регионах, в том числе и мерами, помогающими добровольной миграции. Разумеется, без обсуждения ясно, что легких рецептов не существует и что прикладная региональная политика имеет шансы тогда, когда в ее основе лежат серьезные исследования.

* * *

В заключение хочется отметить главную, на мой взгляд, ценность «Сибирского проклятия». Книга жестко критикует стереотипы в подходе к региональной политике в России. На протяжении веков территориальное расширение государства Российского было главной стратегической целью отношений между центром и периферией. В эпоху аграрной экономики этот подход был оправдан. Но в настоящее время как никогда ясно, что геополитическое могущество страны зависит не от территории как таковой, а от экономической мощи. Идеология региональной политики должна повернуться от заботы о регионах, как о территориальных единицах, от самооценности территории, к заботе о людях, независимо от выбранного места жительства, об общем уровне экономического благосостояния россиян и об экономическом развитии страны как единого целого.

ЛИТЕРАТУРА

Луговой О., Дашкеев В., Мазаев И., Фомченко Д., Поляков Е. и Хехт А. (2007). Экономико-географические и институциональные аспекты экономического роста в регионах. М.: ИЭПП.

Мельникова Л.В. (2004). Освоение Сибири. Ревнивый взгляд из-за рубежа // ЭКО. № 8.

Минаева О.О. (2009). Сходимость российских регионов: влияние миграции. РЭШ. Магистерская диссертация.

Brown, David & Fay, Marianne & V. Lall, Somik & Gun Wang, Hyoung & Felkner, John, (2008). Death of distance? Economic implications of infrastructure improvement in Russia. EIB Papers 10/2008. European Investment Bank. Economic and Financial Studies.

Campano, Filipe R. & Quoc-Anh Do, (2009). A Centered Index of Spatial Concentration: Axiomatic Approach with an Application to Population and Capital Cities. Working Papers 02/2009. Singapore Management University. School of Economics.

Combes, Pierre-Philippe & Miren Lafourcade & Jacques-François Thisse & Jean-Claude Toutain, (2008). The rise and fall of spatial inequalities in France: A long-run perspective. PSE Working Papers 2008/54. PSE (Ecole normale supérieure).

Davis, D.R. and Weinstein, D.E. (2002). Bones, Bombs, and Break Points: The Geography of Economic Activity // American Economic Review. American Economic Association. vol. 92 (5). 1269–1289. December.

Krugman, P.R. (1991). Increasing returns and economic geography // Journal of Political Economy. 99. 483–99.

Mikhailova, T.N. (2004). Essays on Russian economic geography: measuring spatial inefficiency.

World Development Report (2009). Reshaping Economic Geography. The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank.

(http://etda.libraries.psu.edu/theses/approved/WorldWideFiles/ETD-619MikhailovaThesis_final.pdf).